

## УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ-ОРИЕНТАЛИЗМОМ – ЭТНОСИМВОЛОМ УКРАИНЫ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (43)

УДК 811.161.2+81'373.46

DOI:10.24144/2663-6840/2020.1(43).169–173

**Кузнецова І.** Устойчивые сравнения с компонентом-ориентализмом – этносимволом Украины; кількість бібліографічних джерел – 14; мова російська.

**Аннотация.** Неоспорим факт, что в результате многовековых исторических, культурных и соседских контактов в языки славян в довольно большом количестве проникали ориентализмы. Они прочно закрепились в лексическом составе славянских языков как в своем исконном значении (соответствующем языку-оригиналу), так и в переосмысленном, по-новому интерпретированном на славянской почве. Этой теме посвящено немало лингвистических и культурологических работ. Украинский язык в этом плане не исключение. Историческая лексикология изучает причины, время и пути проникновения и адаптации ориентализмов в украинском языке. Заимствования-ориентализмы составляют значительный шар украинской лексики. Судьба заимствований различна: они либо остались в языке-реципиенте экзотизмами, либо в результате экстралингвистических факторов усвоились им настолько, что стали символами национальной культуры. Показательна в этом плане судьба ориентализмов *лелека* ('аист'), *шаровары*, *кобза* в Украине. Цель настоящего исследования – выявление семантико-функциональных особенностей ориентализмов в украинских сравнениях. В данной статье на примере этих лексических единиц рассматривается фраземообразующий потенциал и семантико-функциональные особенности этих заимствований-ориентализмов, ассоциирующихся с Украиной, в составе сравнительных конструкций. Исследование показало, что рассмотренные ориентализмы настолько прочно вошли в фонд украинского языка, что давно не воспринимаются в языке-реципиенте как чужеродный элемент, напротив, они стали этносимволами в украинской лингвокультуре, продуктивны в словообразовательном плане (это осталось за рамками статьи), функционируют в устойчивых сравнениях, в том числе образно-поэтических. Однако этномаркированность, видимо, и наложила ограничения на их фразеологический потенциал: по сравнению с ориентализмами, не ставшими маркерами украинской культуры (барабан, базар, кавун, казан и пр.), они фразеологически менее активны, не частотны в составе устойчивых сравнений в качестве эталона, мерила действия, качества и т. д.

**Ключевые слова:** языковые контакты, ориентализмы, заимствование, украинский язык, национальные символы, устойчивые сравнения, образ сравнения.

**Постановка проблемы.** Межкультурное и межъязыковое взаимодействие славянского и ориентального мира длится не одно тысячелетие. Столь долгий контакт наложил отпечаток на языки народов Славии и Востока, обогатив их заимствованиями из области материальной и духовной культуры, политики и т.д., ибо «нет и не может быть ни одного чистого несмешанного языкового целого» [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 140]. История украинского народа тоже тесно связана с судьбами народов Востока; итог этнокультурных связей – ориентализмы, заимствованные украинским языком непосредственно и опосредованно и в той или иной мере освоенные им.

**Анализ исследований.** Слово *ориентальный* (лат. *orientalis*) имеет семантику ‘восточный, свойственный странам Востока’; к *ориентализмам* относят слова, принадлежащие к разным группам тюркских, а также иранских и арабо-семитских языков. Исследование лексики восточного происхождения в украинистике разнопланово. Анализируются лексико-семантические группы тюркизмов [Халимоненко 1995; Масенко 1972], заимствования конкретного периода [Ковалів 1964], влияние на украинский лексический фонд языков авар, булгар, угров, печенегов, половцев, татар с указанием, от кого и в какие периоды своего развития украинский язык перчерпнул наибольшее количество ориентализмов [Данилюк 2011], прошедших все этапы освоения (фонетические, семантическое, морфологические). Судьба заимствований различна: они либо

остались в языке-реципиенте экзотизмами, либо полностью усвоились им. Причем в отдельных случаях эти слова настолько укоренились в заимствуемом языке, что «в результате переосмысления и экстралингвистических факторов приобрели новый концептуальный смысл, став символами самобытной культуры отдельных славянских народов» [Хмелевский 2018, с. 118]. Показательна в этом плане судьба ориентализмов *лелека*, *шаровары*, *кобза* в Украине [Хмелевский 2018, с. 119–120].

**Цель статьи** – рассмотреть фраземообразующий потенциал и семантико-функциональные особенности некоторых заимствований-ориентализмов, ассоциирующихся с Украиной, в составе сравнительных конструкций.

**Методы и методики.** Необходимый материал извлечен из словарей устойчивых сравнений украинского языка и сети Интернет. Основной метод обработки фразеологического материала – синхронно-описательный.

**Изложение основного материала.** Орнитоним тюркского происхождения *лелека* известен восточно- и южнославянским языкам: рус. «лелек ‘белая цапля, Ardea alba’, также ‘аист’, укр. *лелека* ‘аист’, болг. *лелек*, сербохорв. *лелек*. Через тур., азерб., крым.-тат. *läiläk* ‘аист’, крым.-тат. *lägläk*» [Фасмер 1986, с. 478]; в сербский и хорватский языки персизм *лејлек*(*лелек*), *lejlek* (*lelek*) вошел через турецкий: «тур. *leylek* < pers. *leklek* (u ar. *takođe läqläq*)» [Škaljić 1966, с. 433]. Но только в украин-

скій культуре слово стало еталоном образно-поетических сравнений, что иллюстрируют строки: *Облітав сердега море й землі, як лелека* [Наталя або дзви доли разомъ. Поэма Мих. Макаровского. 1848]; Ніч і тільки зорі за вікном, Ніч, усе поснуло тихим сном... Тільки сон мій так далеко *Відлітів, немов лелека <...>*<sup>1</sup>; Ти відправилась утишу, *наче лагідна лелека*. Ти не бійся, моя пташко, ти поспи – я біля тебе [Аннич О. Колискова для донечки «Лелека»]; Дитинство, мов лелека, десь *відліта* далеко [Юрківський Ю. Летять лелеки]<sup>2</sup>; Мое ріднесенько село, Я за тобою так сумую. <...> Я, мов лелека, в снах своїх *Lіtaю* над тобою [Огренич Р.Ф. Мое село]<sup>3</sup>; Де б я не був, а все же думками лечу в Донеччину свою. *Лечу, неначе та лелека*, дивлюся радісно кругом і шахту згадую далеку, де працював я юнак<sup>4</sup>; Ми збережемо свою Батьківщину, *Наче лелека* під вірним крилом. Ми відбудуємо сильну країну З тими, кому зараз не все одно! [Панасюк Х. Нас не зламає холодна байдужість]<sup>5</sup>; Моя душа *немов лелека* Моя зоря така далека А в синім морі гуляє доля Чому без неї така неволя? [Шпак М. Лелеки]<sup>6</sup>; Сумно, мов я в чорну хмару ввішла, я сумую мов лелека [Savchenko, Khmelevskiy 2017, c. 56]; Я дуже сумую, жаданий без тебе. <...> Я на тебе коханий чекаю. Де ти? Кличу, мов біла лелека. Загубилась у мріях, блукаю... [Калинина-Харламова Л. Дуже скучила]<sup>7</sup>. Можно заметить, что тексты отражают стереотипные представления украинцев об аисте как символе любви к родной земле, отчemu краю, материнской любви, памяти сердца, женской грусти-печали без любимого, тоске. Приведем обширную цитату, иллюстрирующую символику пернатого в Украине: <...> ми творимо загадку про людину і кажемо: «Облітав, мов лелека, усі моря і землі», – відгадкою такої загадки-порівняння є не ти сама уся, а людина, що виїжджає у пошуках щастя у далекий край, людина, що повернулася, не знайшовши щастя в далекому краю <...>, ми творимо загадку про людину і кажемо: «Стойть, мов лелека, й крила опустив», – відгадкою такої загадки-порівняння є не ти сама уся, а парубок, який ніяк не знайде собі пари, щоб одружитися, у кого одруження стойть на одному місці, як ти, біла лелека, стойш на своему гнізді <...> [Голобородько В. Біла лелека]<sup>8</sup>. Резюмируя, приведем слова М.С. Хмелевского: «Аист (лелека) на Украине считается священной птицей, оберегающей домашний очаг и приносящей семейное счастье и благополучие. <...> Концептуальное переосмысление это заимствование приобрело именно в украинской культуре и украинском менталитете, где оно обросло особой символикой, приметами, легендами» [Хмелевский 2018, с. 120], стало образно-поэтическим сравнением. Лексема настолько вошла в украинский язык, что употребляется для tolkowania малопонятных слов, например, лемк. *быцок, боцан* – ‘лелека’ [Вархол, Івченко 1990, с. 152]. Тем не менее данное название птицы не стало фразеологически значимым эталоном устойчивого сравнения, характеризующегося воспроизведимостью и являющегося единицей языка как системы (в отличие, например, от лексемы *бусел*, ставшей образом сравнений во многих фразеологизмах). Словарную «прописку» получили лишь два сравнения: *шия як у лелеки; ноги як у лелеки* [Доброльожа 1997, с. 37, 38], ср. также со строками: У нього ноги, як у лелеки. *Худі, довгі*, з довгими ступнями. <...> Андрій водить блакитними очима за нянею. I повільно випростовує *худі, як у лелеки, довгі ноги*<sup>9</sup>.

Другое слово, значимое для украинской лингвокультуры, – *шаровары*, «укр. шаравáри. Через тюрк. посредство заимств. из ир. \*šaravāra- ‘штаны’ (\*ščagavāga-), нов.-перс. šālvār – то же, откуда и греч. *σαράβαρα, σαράβαλλα* ‘штаны’, ср.-лат. *Saraballa* [Фасмер 1987, с. 410] (такую же орографию лексемы в украинском языке мы видим в словаре Б.Д. Гринченко [Т. 4, с. 485]). Персидский прототип отражен в устаревшей книжной форме *шальвары*. При заимствовании значение слова сущилось: это часть украинского народного мужского костюма (у народов Востока это элемент и женской одежды). И хотя шаровары – это часть национальной одежды разных восточных народов, «только на Украине они сегодня выступают в качестве национального этносимвола и отражателя украинской самобытной культуры», причем «не всей географической территории Украины, а только Поднепровья, где находились административные и военные центры украинского казачества – сечи (для Западной Украины это уже не является этносимволом)» [Хмелевский 2018, с. 119]. Особенность казацких шаровар – ширина, ср. с описанием их у Н.В. Гоголя в «Тарасе Бульбе»: «шаровари, як Чорне море завишишки, з силою складок і зборок, обперезані золотим очкуром». Этот признак фасона лег в основу сравнения *шаровари, мов Чорне море* [Гурин http://abetka.ukrlife.org/obrazno.htm], здесь шаровары выступают в роли объекта сравнения. А о румяном человеке в Черняховском р-не Житомирщины говорят: *червоний як шаровари на козакові* [Доброльожа 2003, с. 93–94].

Название струнного щипкового музыкального инструмента *кобза* было заимствовано запорожскими казаками у тюрков (ср. тур. *koruz* ‘разновидность гитары, арфы’, тат. *kubuz* ‘скрипка’ [Фасмер 1986, с. 268]). Как видим, инструменты не имеют ничего общего, кроме названий). Со временем инструмент типа лютни с короткой шейкой стал «одним из символов украинской самобытной народной культуры. <...> Образ кобзы и кобзаря <...> увековечил и сделал узнаваемым символом Украины далеко за ее пределами <...> Т.Г. Шевченко в своем поэтическом сборнике “Кобзарь”» [Хмелевский

<sup>1</sup> <http://tekstovnet.ru/17/Sofiya-Terletska/tekst-pesni-tilki-somiy-tak-daleko-vidletiv-nemov-leleka>

<sup>2</sup> <https://teksty-pesenok.ru/rus-yuyurkvsij/tekst-pesni-letyat-leleki/1956460/>

<sup>3</sup> <https://books.google.ru/books?id=5160132>

<sup>4</sup> [https://galya.ru/catd\\_new\\_page.php?id=5160132](https://galya.ru/catd_new_page.php?id=5160132)

<sup>5</sup> <https://www.pisni.org.ua/songs/4291583.html>

<sup>6</sup> <https://x-minus.me/track/4768/leleki>

<sup>7</sup> <https://stihii.ru/2014/07/20/931>

<sup>8</sup> <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=13781>

<sup>9</sup> <http://catholicnews.org.ua/andriy-z-nogami-yak-u-leleki>

2018, с. 120]. Этапоном сравнения слово стало в выражении *На речах – наче (як) на кобзі* [Номис 1993, с. 165; Грінченко 1996, Т. 2, с. 259], построенным по той же структурно-семантической модели, что и *На словах, як на цимбалах; На словах, як на варганах, а на ділі, як на балабайці* [Номис 1993, с. 165]; *На словах, як на гуслях* [Доброльожа 2003, с. 67], в которой варьируются образные конкретизаторы – наименования музыкальных инструментов.

**Итоги.** Исследование показало, что рассмотренные ориентализмы настолько прочно вошли в фонд украинского языка, что давно не воспринима-

ются в языке-реципиенте как чужеродный элемент, напротив, они стали этносимволами в украинской лингвокультуре, продуктивны в словообразовательном плане (это осталось за рамками статьи), функционируют в устойчивых сравнениях. Однако этномаркированность, видимо, и наложила ограничения на их фразеологический потенциал: по сравнению с ориентализмами, не ставшими маркерами украинской культуры (барабан, базар, кавун, казан и пр.), они фразеологически менее активны, не частотны в составе устойчивых сравнений в качестве эталона, мерила действия, качества и т. д.

## ЛІТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 2. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 378 с.
- Вархол Н., Івченко А. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Братіслава: Словацьке педагогічне видавництво, Пряшев: Відділ української літератури, 1990. 160 с.
- Грінченко Б.Д. Словарь української мови: в 4 т. Репринтне видання. Київ: Лексикон, 1996.
- Данилюк Н.М. Орієнталізми в українській мові. Ученые записки Таврійского національного університета ім. В.І. Вернадського. Серия «Філологія. Соціальні комунікації». Сімферополь, 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 2. С. 408–412.
- Доброльожа Г.М. Ідеографічний словник поліських народних порівнянь з компаративними об'єктами – назвами тварин. Київ: Волинь, 1997. 52 с.
- Доброльожа Г.М. Красне слово – як золотий ключ. Житомир, Волинь, 2003. 160 с.
- Ковалів П. Лексичний фонд літературної мови Київського періоду Х–XIV століть. Запозичення. Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Т. Шевченка, 1964. Т. II. 329 с.
- Масенко Л.Т. З гідронімії тюркського походження басейну Південного Бугу. Структурні рівні мови і методи їх дослідження. Київ: Наукова думка, 1972. С. 139–142.
- Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Передрук видання 1864 року з додатками. Київ: Либідь, 1993. 768 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. Москва: Прогресс, 1986. 672 с.
- Халимоненко Г.І. Тюркізми у професійно-виробничій лексиці української мови. Ч. 2. Лексика вівчарства. Київ: Київський університет, 1995. 75 с.
- Хмелевский М.С. Концептуальное переосмысление тюрканизмов, ставших национальными символами славянских народов. Межэтническое взаимодействие в полигкультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации: сб. научн. ст. по итогам Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26–27 ноября 2018 г.). С. 118–124.
- Savchenko A., Khmelevskiy M. «Над кем смеёться?», или о специфике создания комического в украинском языке (на примере романа О. Черногуза «Аристократ из Вапнярки»). *Językoznanstwo*. 2017. № 1(11). С. 53–66.
- Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo: Svetlost. 1966. 662 s.

## REFERENCES

- Boduen de Kurtene I.A. (1963). Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniju: v 2 t. T. 2. [Selected Works on General Linguistics: In 2 Volumes. Vol. 2]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. 378 s. [in Russian].
- Hrinchenko B.D. (1996) Slovari ukrainskoi movy: v 4 t. Repryntne vydannia. [Dictionary of the Ukrainian language: In 4 Volumes. Reprinted edition]. Kyiv, Leksikon [in Ukrainian].
- Danyliuk N.M. (2011) Orientalizmy v ukraïnskom yazyke [The orientalisms in Ukrainian Language]. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii». T. 24 (63). № 2. Ch. 2. S. 408–412 [in Ukrainian].
- Dobrolozhza H. (1997) IdeoghrafichnyI slovnyk poliskyykh narodnykh porivnian z komparatyvnym obyektamy – nazvamy tvaryn [The ideographic dictionary of the Polesie national similes of comparable objects – the names of animals]. Kyiv: Volyn, 52 s. [in Ukrainian].
- Dobrolozhza H. (2003) Krasne slovo – yak zolotyi kliuch [Beautiful word – like a Golden key]. Zhytomyr: 2003. 160 s. [in Ukrainian].
- Fasmer M. (1986) Etimologicheskiy slovar russkogo yazyika: v 4 t. T. 2. [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes. Vol. 2]. Moskva: Progress, 672 s. [In Russian].
- Kovaliv P. (1964) Leksychnyi fond literaturnoi movy Kyivskoho periodu X–XIV stolit. Zapozychennia [Lexical Fund of the literary language of the Kiev period of the 10<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> centuries. Borrowednie]. Nyu-York: Naukove tovarystvo im. T. Shevchenka. T. II. 329 s. [in Ukrainian].

8. Masenko L.T. (1972) Z hidronimii turkskoho pokhodzhennia baseInu Pividennoho Buhu [From the hydronymy of the Turkic origin of the southern bug basin]. *Strukturni rivni movy i metody yikh doslidzhennia*. Kyiv: Naukova dumka. S. 139–142 [in Ukrainian].
9. Nomys M. (1993) Ukrainski pryzkazky, pryslivya i take inshe [Ukrainian Sayings, Proverbs and so on]. Peredruk vydannia 1864 roku z dodatkamy. Kyiv: Lybid, 768 s. [in Ukrainian].
10. Savchenko A., Khmelevskiy M. (2017) «Nad kem smeyotes?», ili o specifike sozdaniya komicheskogo v ukrainskem yazyke (na primere romana O. Chernohuza «Aristokrat iz Vapniarki») [«What are you laughing at?» – about the specifics of creation of comic effect in Ukrainian (on an example of the novel by O. Chernohuz «Aristocrat from Vapniarka»)]. *Językoznawstwo*. № 1(11). S. 53–66 [in Russian].
11. Khalymonenko Gh.I. (1995) Tiurkizmy u profesiyno-vyrobnychiy leksyci ukrainskoi movy [Turkisms in the professional and industrial vocabulary of the Ukrainian]. Ch. 2. Leksyka vivcharstva. Kyiv: Kyivskyy universytet, 75 s. [in Ukrainian].
12. Khmelevskiy M.S. (2018) Kontseptualnoe pereosmyslenie tyurkizmov, stavshikh natsionalnymi simvolami slavyanskikh narodov [Conceptual transfer of turkisms, which became national symbols for slavic nations]. *Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie v polikulturnom obrazovatelnom prostranstve: problemy yazykovogo vzaimodeistviya i mezhkulturnoi kommunikatsii: sb. nauchn. st. po itogam Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Cheboksary, 26–27 noyabrya 2018 g.). S. 118–124 [in Russian].
13. Škaljić A. (1966) Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo: Svetlost, 662 s. [in Croatian].
14. Varkhol N., Ivchenko A. (1990) Frazeolohichnyi slovnyk lemkinskikh hovirok Skhidnoi Slovachchyny [Phraseological dictionary of the Lemko dialects of Eastern Slovakia]. Bratislava: Slovacke pedahohichne vydavnyctvo, Pryashev: Viddil ukrainskoi literatury. 160 s. [in Ukrainian].

### SET COMPARISONS WITH THE ORIENTALISM-COMPONENT – THE ETHNOSYMBOL OF UKRAINE

**Abstract.** It is an undeniable fact that as a result of centuries of historical, cultural and neighborly contacts, orientalisms penetrated the languages of the Slavs in quite large numbers. They are firmly fixed in the lexical structure of the Slavic languages both in their original meaning (corresponding to the original language) and in a reinterpreted on the Slavic background. Many linguistic and cultural works are devoted to this topic. The Ukrainian language is no exception in this regard. Historical lexicology studies the causes, time and ways of penetration and adaptation of orientalisms in the Ukrainian language. Adoptions of Oriental languages make up a significant layer of Ukrainian vocabulary. The result of borrowings varies as they either remained exotisms in the recipient language, or as a result of extralinguistic factors, they acquired it so much that they became symbols of national culture. The fate of orientalisms *leleka* ('stork'), *sharovary* ('bloomers'), *kobza* ('a musical instrument') in Ukraine is indicative in this regard. The purpose of this study was to identify the semantic and functional peculiarities of the Ukrainian orientalisms in comparison. In this article, using the example of these lexical units, we consider the phrasemaking potential and semantic and functional features of these orientalisms associated with Ukraine, as a part of comparative constructions. The study showed that the orientalisms considered are so firmly included in the Ukrainian language fund that they have not been perceived as a foreign element in the recipient language for a long time, on the contrary, they have become ethnic symbols in Ukrainian linguistic culture, productive in word formation (this is left out of the scope of the article), operate in similes, including figurative and poetic. However, ethno-marking, apparently, imposed restrictions on their phraseological potential, for compared with orientalisms that did not become markers of Ukrainian culture (*bazar*, etc.), they are phraseologically less active, not frequency in stable comparisons as a reference, measure of action, quality.

**Keywords:** language contacts, oriental loanwords, Ukrainian language, national symbols, similes, the basis of comparison.

### СТІЙКІ ПОРІВНЯННЯ З КОМПОНЕНТОМ-ОРІЄНТАЛІЗМОМ – ЕТНОСИМВОЛОМ УКРАЇНИ

**Анотація.** Незаперечним є факт, що внаслідок багатовікових історичних, культурних і сусідських контактів у мови слов'ян у досить великий кількості проникали орієнталізми. Вони міцно закріпилися в лексичному складі слов'янських мов як у своєму первинному значенні (відповідало мові-оригіналу), так і в переосмислено, по-новому інтерпретованому на слов'янському ґрунті. Цей темі присвячено чимало лінгвістичних і культурологічних робіт. Українська мова в цьому плані не виняток. Історична лексикологія вивчає причини, час і шляхи проникнення й адаптації орієнталізмів в українській мові. Запозичення-орієнталізми складають значний пласт української лексики. Доля запозичень різна: вони або залишилися в мові-реципієнти екзотизмами, або в результаті екстраполінгвальних чинників засвоїлися настільки, що стали символами національної культури. Показова в цьому плані доля орієнталізмів *лелека* ('аист'), *шаровари*, *кобза* в Україні. Мета цього дослідження – виявлення семантико-функціональних особливостей орієнталізмів в українських порівняннях. У цій статті на прикладі цих лексичних одиниць розглядається фраземотвірний потенціал і семантико-функціональні особливості цих запозичень-орієнталізмів, які асо-

цуються з Україною, в складі порівняльних конструкцій. Дослідження показало, що розглянуті орієнталізми настільки міцно увійшли в фонд української мови, що давно не сприймаються в мові-реципієнти як чужорідний елемент, навпаки, вони стали етносимволами в українській лінгвокультурі, продуктивні в словотвірному плані (це залишилося за межами статті), функціонують у стійких порівняннях, зокрема образно-поетичних. Однак, етномаркованість, очевидно, і наклада обмеження на їх фразеологічний потенціал: у порівнянні з орієнталізмами, які не стали маркерами української культури (*барабан, базар, кавун, казан і ін.*), вони фразеологічно менш активні, не частотні у складі стійких порівнянь як еталон, мірило, дія, якість тощо.

**Ключові слова:** мовні контакти, орієнталізм, запозичення, українська мова, національні символи, стійкі порівняння, образ порівняння.

© Кузнецова І., 2020 р.

**Ірина Кузнецова** – кандидат філологічних наук, доцент кафедри педагогіки і методики початкової освіти Чуваського державного педагогічного університету ім. І.Я. Яковлева, Чебоксари, Росія; <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>

**Irina Kuznetsova** – Candidate of Philology, Associate Professor of the I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-2038-5879>